

**К ВОПРОСУ О ТАКСОНОМИЧЕСКОМ СТАТУСЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ЛАКУНЫ
(на материале французского и русского языков)**

Г.В. Беликова

*Кандидат культурологии, доцент,
профессор кафедры романских языков имени В.Г. Гака
Институт иностранных языков
e-mail: gv.belikova@mpgu.su*

Московский педагогический государственный университет

Обсуждается вопрос содержания и терминологических границ понятия «лингвокультурная лакуна» в соответствии с разноуровневыми задачами межъязыковых и монологических исследований. В целях преодоления дихотомии внутри- и межъязыковой реальности лакуны выделяются таксоны лакуны-отсутствия и лакуны-пробела. Содержание данных таксонов опосредует понятийное ядро значения термина «лингвокультурная лакуна». Приводится отличие межъязыковой лингвокультурной лакуны от внутриязыковой лингвокультурной лакуны, определяются дифференциальные семы признака «лингвокультурная» (лакуна) в контексте интра- и интеръязыковых исследований.

Ключевые слова: *лакуна, языковая системная лакуна, корреляция языка и культуры, межъязыковая лингвокультурная лакуна, внутриязыковая лингвокультурная лакуна, национальное языковое своеобразие.*

В современном постиндустриальном обществе, где информация и знания становятся основным ресурсом и самостоятельной ценностью, особое значение приобретает методология системного подхода, обеспечивающая концептуальное «сжатие» информации. Неслучайно в мире науки последнего десятилетия отмечается тенденция к повышению значения типологии в научном мышлении.

Отечественная лакунология являет пример широкой типизации множества дискретных объектов научного познания – лакун – в целях описания и идентификации этих объектов, выявления их системообразующих связей в основе структурной организации изучаемой системы. Как правило, корневые таксоны данной системы определены как лингвистические (внутриязыковые и межъязыковые) и экстралингвистические (культурологические), тогда как их подклассы формируют разветвленную сеть таксономических единиц: понятийные, речевые, концептуальные, полные/частичные, векторные, вакантные, абсолютные, грамматические, лексические, ассоциативные, эмотивные, компенсированные, нулевые, этнографические, коннотативные, лингвокультурологические, уникальные и частные, смешанные, стилистические,

мотивированные и немотивированные, синхронические и диахронические, и т.д. (Ю.С. Степанов, В.Г. Гак, В.Л. Муравьев, Г.В. Быкова, Ю.А. Сорокин, А.И. Белов, В.И. Жельвис, Л.А. Леонова, Л.С. Бархударов, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, И.А. Стернин, З.Д. Попова, А.И. Белов, И.Ю. Марковина, И.В. Томашева, Б. Харитонов, О.А. Огурцова и др.). Подобное таксономическое разнообразие объясняется прежде всего различной интерпретацией учеными понятия «лакуна», которое наделяется дополнительными смыслами в зависимости от целей проводимых исследований.

Вместе с тем, подкласс «лингвокультурная лакуна», несмотря на его индикацию некоторыми учеными (Г.В. Быкова, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин), до сих пор не получил своего таксономического статуса. Номинал «лингвокультурная (лингво-культурная, лингво-культурологическая) лакуна» возникает как бы сам собой при типологизации лингвистических лакун в их соотношении с различными культурологическими фактами. Подобная таксономическая «спонтанность» обусловлена, по-видимому, общепризнанным в языкознании постулатом о взаимосвязи и взаимообусловленности языка и культуры. Так, понимая лакуну как явление, обнаруживаемое не только в языке, но и в культуре, Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина считают, что выявление как культурологических, так и лингво-культурологических лакун способствует установлению конкретных фактов корреляции языка и культуры [Сорокин, Марковина 1983, Марковина 1982: 37]; Г.В. Быкова предлагает называть лингво-культурологическими те лакуны, которые «занимают промежуточное положение между лингвистическими и экстралингвистическими» [Быкова 2003: 72], тогда как Ю.А. Марковина называет подобные лакуны культурологическими, поскольку их существование «обусловлено отсутствием реалий, характерных для одной культуры, в другой культуре» [Марковина 1982: 38].

Б.В. Дашидоржиева предлагает общую трактовку лакуны, согласно которой все типы лакун взаимосвязаны. Поэтому, заключает Б.В. Дашидоржиева, такой «обобщенный взгляд на типы лакун позволяет описать лакуну как лингвокультурологический феномен» [Дашидоржиева 2011]. Подобное обобщение представляется чрезмерным, поскольку оно не только снимает необходимость категоризации таксона «лингвокультурная лакуна», но и ставит под сомнение целесообразность дифференциации собственно языковых лакун (культурологически необусловленных) от факта отсутствия эквивалентной иноязычной лексемы, указывающего на национально-специфический характер инокультурного понятия, поименованного безэквивалентной лексемой. В дальнейшем Б.В. Дашидоржиева предлагает авторскую классификацию «лингвокультурологических» лакун, однако трактовка выделенных исследователем типов как, прежде всего, лакун (в их словарном

определении, а также в авторитетных научных работах, см., например, основательный анализ [Быкова 2003]) представляется спорной.

Определение терминологических границ понятия «лингвокультурная лакуна» осложняется и тем, что в ракурсе межъязыковых и моноязыковых исследований значение базового термина «лакуна» интерпретируется единообразно (пробел, отсутствие слова/наименования, пропуск в лексической системе одного языка, его наличия в сопоставляемом языке), тогда как логика интеръязыковых и интраязыковых исследований предполагает разноплановые задачи: одни решаются в плоскости соотнесения двух (и более) языков и культур и релевантны только в этой плоскости относительности, другие – в рамках внутриязыкового, синхронного и/или диахронного изучения эволюции номинации в лексической подсистеме национального языка с учетом экстралингвистических и внутрисистемных факторов, обуславливающих как появление, так и заполнение лакун. В связи с этим заметим, что, по мнению некоторых ученых, толкование лакуны как объективного явления *межъязыковой* реальности является ошибочным и неприемлемым, как и сам термин «межъязыковая лакуна» (см., например, [Савицкий 2013]). Не останавливаясь здесь подробно на аргументах *pro et contra* только внутриязыковой трактовки лакуны, укажем как на методологическую целесообразность, так и возможность оперировать понятием «межъязыковая лакуна» в контексте интеръязыковых сопоставительных исследований, при условии онтологической интерпретации сущности понятия «лакуна», позволяющей отразить различные модусы «бытия» лакуны как таковой (см., подробнее, [Беликова 2019: 80–91]).

Возвращаясь к вопросу таксономического статуса лингвокультурной лакуны, закономерно, как представляется, определять лингвокультурную лакуну, основываясь, во-первых, на понятийном ядре значения инварианта «лакуна» и, во-вторых, на такой трактовке понятия лакуны, которая позволила бы преодолеть дихотомию внутри- и межъязыковой реальности лакуны. С учетом изложенного такому «универсальному» истолковыванию лакуны удовлетворяет, на наш взгляд, выделение и различение таксонов «лакуна-отсутствие» (далее – ЛО) и «лакуна-пробел» (далее – ЛП) [Беликова 2019: 80–91]. Первая – межъязыковая лакуна, модус реальности которой лежит в плоскости относительности сопоставляемых «фрагментов» лингвокультур, вторая – внутриязыковая лакуна, «пропуски в лексической системе языка, отсутствие слов, которые, казалось бы, должны были присутствовать в языке» [Гак 1977: 261], т.е. буквально «пробел» в лексической подсистеме национального языка, актуальное *небытие* лексического номината для существующего в культуре концепта.

Лакуна-отсутствие обнаруживается в сопоставляемом языке относительно иноязычного безэквивалента и означает, что в одной из сопоставляемых языковых культур нет ни эквивалентного иноязычному

концепта, ни его номината. Именно поэтому такая лакуна обозначена как отсутствие, а не пробел, поскольку сигнификат слова *пробел* (в отличие от сигнификативного значения слова *отсутствие*) предполагает наличие следующих признаков компонентов значения: незаполненный, недостающий, упущенный, но необходимый для полноты и целостности системы, в данном случае – лексической выраженности существующего концепта. Реальность лакуны-отсутствия задается границами соотнесения сопоставляемых языков. Иными словами, такая лакуна выявляется и существует только в определенном межъязыковом пространстве, формируемом актом соотнесения избранных языков (ср., например, русские ЛО относительно французского языка: *bidonville/bidonvillois* –? («agglomération de logements précaires faits de matériaux de récupération et accueillant les populations défavorisées à la périphérie des grandes zones urbaines/ celui qui y habite» – бараки, сооруженные из различных отходов на окраинах больших городов, в которых живут неимущие слои населения/человек, живущий в этих бараках); *descendant* –? («personne née en France et dont au moins un de ses parents est immigré» – ребенок, родившийся во Франции и имеющий, как минимум, одного родителя-иммигранта); *boujouter* – ? («dire bonjour en embrassant/s’embrassant sur les joues» – при встрече приветствовать друг друга («здороваться») целуя/дотрагиваясь щеками); *vivre-ensemble* – ? («Cohabitation harmonieuse entre individus ou entre communautés» – жизнь в гармонии с собой и с другими, в том числе гармоничное сосуществование между общностями людей, и т.д.).

Принимая во внимание модус реальности лакуны-отсутствия, можем сказать, что она может быть обозначена как межъязыковая лингвокультурная лакуна (далее – МЛЛ) в том случае, если иноязычный безэквивалент, именуемый инокультурный концепт, является культурно-маркированным. В то же время, подобная лексическая выраженность понятия в одной культуре будет, по-видимому, культурно-маркированной всякий раз, когда в сопоставляемой лингвокультуре не обнаруживается эквивалентный и/или аналогичный инокультурному концепт (см. приведенные выше примеры). Неслучайно авторы кросскультурных исследований подчеркивают, что все, что в тексте не понимается или недопонимается реципиентом, что ему чуждо, странно, непривычно, что требует пояснения и интерпретации, «служит сигналом присутствия в тексте национально-специфических элементов культуры, в которой создан текст» [Сорокин, Марковина 1983: 37]. Забегая вперед, заметим, что разделяя точку зрения этих и других ученых (В.И. Жельвис, А.И. Белов, И.А. Стенин, З.Д. Попова, А.И. Белов и др.) на сигнальную функцию межъязыковой лакуны, необходимо принимать во внимание факт наличия или, напротив, отсутствия в культуре понятия, лексическая

невывраженность которого может оказаться как внутриязыковой, так и межъязыковой (в случае необнаружения концепта) лакуной.

Таким образом, отсутствие в одной из сопоставляемых языковых культур концепта и его номината, существующих в другой культуре, является основным дифференциальным критерием межъязыковой лингвокультурной лакуны. В данном случае признак «лингвокультурная» (лакуна) отражает культурологический (т.е. концептуально опосредованный) и языковой характер лакуны-отсутствия, выявляемой в одном языке относительно инолингвокультурного контекста.

Заметим, что лакуну, в том числе межъязыковую лингвокультурную лакуну, необходимо отмежевывать от фактов лексической номинации существующих в сопоставляемых культурах идентичных объектов и явлений внеязыковой реальности. Такие, разноязычные, казалось бы, эквиваленты в компонентах своего значения могут содержать различную, культурологически обусловленную фоновую информацию: ассоциативно-образные, эмотивно-оценочные созначения языковой единицы, отличающие ее от иноязычного номината аналогичной реалии. Такие несоответствия в межъязыковой лакунологии принято называть эмотивными/эмотивно-ассоциативными/коннотативными/ассоциативными лакунами (Н.Д. Арутюнова, Э.С. Маркарян, И.В. Томашева и др.). С нашей точки зрения, здесь уместнее говорить о национально-культурной специфике семантики разноязычных номинатов, а не о лакунах. Действительно, случаи частичного несовпадения семантики данных «эквивалентов» не могут быть классифицированы как лакуна (ни как лакуна-отсутствие, ни как лакуна-пробел): это противоречило бы понятию лакуны как таковой, поскольку в соотносимых культурах существуют как соответствующие концепты, так и их языковые номинаты, которые, при относительном сходстве предметно-понятийного содержания, отличаются сигнификативным объемом значения на уровне культурно-маркированных сем – эмотивного, оценочного, ассоциативно-символьного компонентов значения, обусловленных культурно-специфическим характером мировидения этноса. Так, например, французский и русский аналитические номинаты *bien-être familial* и *семейное благополучие* можно рассматривать как аналоги, однако французский номинат имеет обязательный признаковый компонент значения «связь/зависимость семейного и социального», или, например, *accorderie* (от гл. «accorder» – давать, предоставлять, даровать, жаловать) и аналогичные «русский» неологизм-гипероним *лайфхак* и гипонимы по названиям соответствующих сайтов *яменяю.рф*, *ДаруДар*, *Дарилки*, *Плюшкин* и т.д., отражающие относительно новый в русской культуре, но востребованный концепт «обмен вещами и дарение ненужных вещей, обмен услугами», инспирированный западной идеей этичного и экологичного использования вещей. Вместе с тем значение французской лексемы *accorderie* ‘система

обмена вещами и услугами между жителями⁷ включает такие признаковые компоненты, как «взаимопомощь между жителями одного квартала, оказывающих друг другу различные услуги и обменивающиеся тем, в чем они нуждаются, включая и совместное пользование личным автомобилем для поездки на работу». Важна и та идеологема, которая, по-видимому, повлияла на формирование французского лексического номината (в отличие от «запаздывания» русского языка) данного концепта: *accorderie* – это борьба с бедностью и социальным расслоением общества, содействие «смещению» социальных классов.

Итак, реальность межъязыковой лингвокультурной лакуны есть своего рода «смешанная реальность», в том смысле, что обнаружение МЛЛ на фоне иноязычного безэквивалента являет точку соприкосновения реальной (иноязычный безэквивалент) и виртуальной (МЛЛ) единиц. Такая индуцируемая исследователем «смешанная реальность» позволяет «увидеть» пустоту, т.е. лакуну, которая имплицитно «присутствие» культурно-маркированной лексемы-номината инокультурного понятия. Так, следующие межъязыковые лингвокультурные лакуны обнаруживаются в русском языке относительно французских безэквивалентов-культуронимов: *décroissance* –? («concept économique, politique et social, qui remet en cause l'idée selon laquelle l'augmentation des richesses conduit au bien-être social. Cette théorie vise à réduire la production de biens et de services dans l'objectif de préserver l'environnement» – социально-экономическая и политическая концепция, ставящая под сомнение зависимость уровня социального благосостояния от все возрастающего производства материальных благ; эта теория провозглашает необходимость сокращения производства материальных благ и услуг с целью сохранения окружающей среды); *bistronomie* –? («contraction des noms "bistrot" et "gastronomie", qui désigne la pratique de servir une cuisine très élaborée dans de petites quantités dans un souci d'accessibilité aux personnes aux revenus modestes» – контаминация слов *бистро* и *гастрономия* для обозначения блюд «высокой кухни», предлагаемых небольшими «филиалами» элитных ресторанов, отмеченных «звездами» в международных классификаторах); *blédard* –? («personne originaire d'Afrique du Nord ou issue de l'immigration maghrébine» – выходец из Северной Африки или иммигрант из стран Магриба, проживающий на территории Франции); *blurring* –? (от англ. «to blur» – стирать, размывать, «effacement progressif de la frontière vie professionnelle – vie privée pour les actifs de plus en plus connectés» – ситуация «стирания границ» между профессиональной занятостью и личной жизнью, при которой «рабочий день» не заканчивается после ухода со службы, но и личные вопросы часто решаются в рабочее время; такой стиль жизни характерен для наиболее активных профессионалов, тех, кто всегда «на профессиональной связи»), *déconnexion* –? («droit affirmé pour la première fois dans le projet de loi travail

de ne pas répondre à ses courriels ou messages professionnels hors temps de travail» – принятое в новом проекте закона о труде право не отвечать на «рабочую» почту (электронные письма, смс профессионального характера) в нерабочее время); *dédieselisation* –? («une tendance qui montre que les voitures équipées d'un moteur diesel sont de moins en moins achetées» – тенденция, указывающая на то, что автомобили с дизельным двигателем покупаются все меньше и меньше по экологическим соображениям); *antispécisme* –? («l'égalité entre toutes les espèces; l'homme ne prime pas sur les autres espèces» – равенство между видами в том смысле, что человек не является высшим среди других биологических видов); *boboisation* –? («l'action de rendre bobo, c'est-à-dire bourgeois-bohème» – обуржуазивание, обмещивание квартала, социального пространства (от «bourgeois-bohème», букв. буржуа-богема, т.е. определенный социостиль, представителем которого является, как правило, городской буржуа среднего класса, образованный, хорошо обеспеченный и ведущий непринужденный, «расслабленный» образ жизни); *facancier* –? («maghrébin travaillant en France et revenu au pays pour les vacances» – магрибинец, работающий во Франции и приехавший на отдых домой) и т.д.

В противоположность межъязыковой лингвокультурной лакуне содержание понятия «внутриязыковая лингвокультурная лакуна» (далее – ВЛЛ) должно определяться рамками моноязыкового исследования. Следуя принципу определения лингвокультурной лакуны с опорой на понятийное ядро термина «лакуна», рассмотрим понятие ВЛЛ в призме моноязыкового исследования.

Повторимся, что внутриязыковая лакуна обозначена нами как лакуна-пробел и представляет собой лексическую невыраженность существующего в культуре концепта. Специфика внутриязыковой лакуны не в отсутствии концепта и, следовательно, его номината (атрибут межъязыковой лакуны), но в «присутствии» концепта и отсутствии его однословной материализации. Внутриязыковую лакуну можно представить в виде разомкнутой вершины семиотического треугольника Ч. Огдена и А.А. Ричардса: есть референт (объект действительности) и есть понятие, выражающее мыслимое знание о референте, но нет слова, именующего понятие.

Однословная неоформленность бытующего в культуре концепта может быть обусловлена различными внутриязыковыми факторами: границами словообразовательных моделей языка, фонетической и морфологической сочетаемостью, асимметрией языкового знака, запретами (в том числе стилистическими) узуса, дефектными морфологическими парадигмами, традиционно сложившейся стилистической организацией языка и т.п. (Г.В. Быкова, Е.А. Земская, Г.С. Зенков, И.А. Стернин, И.С. Улуханов и т.д.). Подобные внутриязыковые лакуны как бы предусмотрены «схемой» языка, которая,

как известно, не является жестко детерминированной системой, но в ней самой «запрограммированы внутренние предпосылки для известной неустойчивости и свободы...» [Быкова 2003: 93] (ср., например, *лошадь* – *жеребенок*, хотя *кролик* – *крольчонок*, *заяц* – *зайчонок*, *лиса* – *лисенок*; *орать* –? (орун (разг.-сниж.), хотя *болтать* – *болтун*, *говорить* – *говорун*, *кричать* – *крикун*; *побеждать* – *победу?*, *убедить* – *убедю?*, *держит* – *держу?*; *писать* – *пиша?*, *носить* – *ноша?*; *больной* – *больноватый?*, *интеллектуальный* – *интеллектуальноватый?*, хотя *глупый* – *глуповатый*, *плохой* – *плоховатый*, *старый* – *староватый*; *листва* – мн.ч. ?, *мед* – мн.ч. ?, хотя *дерево* – *деревья*, *трава* – *травы* и т.д.). Такие внутриязыковые лакуны сигнализируют о национальных особенностях языка (но не национально-культурной специфике языковой картины мира), своеобразии которого становится особенно очевидным на фоне другого языка, диалекта, в рамках межстилевого сопоставления, синхронно-диахронного исследования и т.д.

В отличие от подобных языковых системных лакун, внутриязыковая лингвокультурная лакуна должна, как представляется, отражать формы корреляции (вернее их «недовыраженность» в языковой семантике, прежде всего лексике) языка и культуры, а значит соотноситься с концептуальной картиной мира народа носителя данного языка. Следовательно, внутриязыковая лингвокультурная лакуна – это значимый пробел в лексической подсистеме языка для актуального в культуре концепта. Предикат «значимый» (пробел) указывает на препятствие в осуществлении коммуникации, разрыв дискурсии всякий раз, когда не обнаруживается универбальное имя для коммуникативно востребованного концепта. Такие пробелы язык компенсирует за счет сверхсловных, речевых синтаксических номинатов, описывающих содержание данного концепта (ср., классический пример – *молодожены*, а люди, прожившие в браке определенное время, –?; *лгун*, *лжец*, а тот, кто говорит правду, –?; *домосед*, *затворник*, а тот, кто не любит «сидеть дома», но предпочитает бродить по улицам, – ?; *книголюб*, *книгофил*, *библиофил*, а тот, кто не любит книги, –?, и т.п.).

Внутриязыковая лингвокультурная лакуна выявляется не только в рамках моноязыкового исследования, но и на фоне иноязычной лингвокультуры. Так, проецируя французский коммуникативный контекст на тематически аналогичный русский, обнаруживаем русские внутриязыковые лакуны, которые можно трактовать как лингвокультурные, поскольку понятие, поименованное французским безэквивалентом, актуально и для русской культуры, но не имеет лексического номината: *infobésité* –?, букв. информационное ожирение, т.е. переизбыток информации, с которой мы сталкиваемся каждый день, в частности, в сети Интернет; *matinalier* –?, журналист, представляющий по утрам основные новости на радио или телевидении; *longseller* –?, книга с

высоким уровнем продаж в течение длительного периода времени; *légistique* –?, искусство писать тексты законов; *glamouriser* –?, делать привлекательным; *influenceur* (-euse) –?, человек, имеющий большое влияние на формирование мнений и принятие решений, *cosmétofood* –?, продукты питания, потребление которых обещает сделать нас молодыми, красивыми и здоровыми, т.п..

Существование внутриязыковой лингвокультурной лакуны противоречит не законам данного языка, но национальной логике миропонимания в том смысле, что некое актуальное, общественно и лично переживаемое явление окружающей действительности не «находит» себе имени. Такую лакуну-пробел мы называем лингвокультурной, поскольку она эксплицирует номинативное «запаздывание» языка в его отражательной функции относительно национальной концептосферы.

Коммуникативные контексты, в которых актуализируются нелексикализованные, но уже существующие или осваиваемые культурой концепты, можно считать речевыми предпосылками к элиминированию лакуны и ее заполнению однословным означающим, поскольку, как отмечают многие ученые, основная причина создания универба вместо перифрастичного наименования реалии – это стремление «носителя языка ликвидировать расчлененность наименования» [Быкова 2003: 119]. Так, например, следующие языковые номинаты освоенных русской культурой (в том числе – молодежной субкультурой) современных концептов появились в результате словообразовательной деривации и заимствований: *флекситарианство* (от англ. «flexible – гибкий, эластичный» и «vegetarian – вегетарианец, вегетарианский» – преимущественно растительная диета, изредка допускающая употребление в пищу мясных продуктов), *уберизация/юберизация* (от названия компании «Uber» – проведение различных сделок между клиентами и поставщиками услуг с использованием цифровых платформ вместо посредников), *спойлерить/спойлер* (от англ. «to spoil – портить» – выкладывать в общий доступ (социальные сети) инсайдерскую информацию, раскрывающую сюжет фильма, развитие событий в шоу и т.п./человек, который *спойлерит*), *постправда* (от англ. «post-truth» – информация, транслируемая СМИ, в которой объективные факты подменяются вымышленными с целью эмоционального воздействия на публику и формирования необходимого общественного мнения), *коучинг* (от англ. «coaching – тренировка» – метод консалтинга и тренинга, в процессе которого человек, называемый «коуч», помогает обучающемуся достичь некой жизненной или профессиональной цели), *лáйкнуть/ лáйкать/ дизлайкнуть* (от англ. «like – нравится» – оценивание в параметрах нравится/не нравится события, человека и т.п. в сети Интернет, на всех социальных проектах и т.п.), *фрик* (от англ. «freak – уродец» – человек,

отличающийся яркой, несообразной внешностью и/или странным поведением, не соответствующим общественным нормам), *гуглить/погуглить/загуглить/выгуглить/нагуглить* (от названия американской компании и одноимённой поисковой системы «Google» – поиск информации при помощи поисковой системы Google или, расширительно, с помощью любого другого поисковика), *хайн/хайннуть* (от англ. «hure – навязчивая реклама, шумиха, ажиотаж» – искусственно создаваемый ажиотаж вокруг какой-либо темы/пиарить, поднимать популярность кого-то, чего-то и/или «тусить, тусоваться» – собираться вместе где-либо, встречаться для времяпрепровождения, для общения), *гамать/ гамить/ гамиться* (от англ. «game – игра» – проводить время за компьютерной игрой) и т.д.

Таким образом, внутриязыковая лингвокультурная лакуна есть лексическая невыраженность актуального, коммуникативно востребованного концепта, закрепляющего и структурирующего знание о фрагменте мира, сложившееся в результате общественно-исторического, национально-культурного опыта конкретного этноса. Признак «лингвокультурная» семантически соотносим с различными модусами реальности межъязыковой и внутриязыковой лакун и отражает различную природу данных таксонов: с одной стороны, известную взаимообусловленность язык↔культура и несоразмерность сопоставляемых разноязычных лингвокультур, с другой – аметрию национального языка и культуры, а также языковой локус и культурологическую опосредованность ВЛЛ. Если в первом случае межъязыковая лингвокультурная лакуна «сигнализирует» о существовании национально-специфического концепта, поименованного иноязычным безэквивалентом, то во втором – внутриязыковая лингвокультурная лакуна свидетельствует о специфической избирательности национальной культуры, фиксирующей одни реалии и «не замечающей» другие.

Библиографический список

Беликова Г.В. Эпистемологический феномен межъязыковой лакуны в кросслингвистических исследованиях (на примере французского и русского языков) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 5. С. 80–91.

Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск: БГПУ, 2003. 276 с.

Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение, 1977. 300 с.

Дашидоржиева Б.В. Типология лингвокультурологических лакун [Электронный ресурс]. 2011. URL:

https://portalus.ru/modules/culture/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1307793603&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения 25.10.2019).

Марковина И.Ю. Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста: дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 220 с.

Национальная философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://terme.ru/> (дата обращения: 13.12.2019).

Савицкий В.М. Онтология языковых лакун [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 2. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/343> (дата обращения: 15.11.2019).

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун: Методологические и методические аспекты // Лексические единицы и организация структуры литературного текста: сб. науч. тр. Калинин, 1983. 182 с.

Ричардс А.А. Философия риторики // Теория метафоры: сб. / общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 44–67.

Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. М.: Слово/Slovo, 2000. 261 с.